

Helena Pocietchina

O diahroničeskom podhode k morfonologičeskomu opisaniû slavânskogo slovoobrazovaniâ

Acta Neophilologica 6, 81-90

2004

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Helena Pocietchina
Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej
UWM w Olsztynie

О ДИАХРОНИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К МОРФОНОЛОГИЧЕСКОМУ ОПИСАНИЮ СЛАВЯНСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

1. Теоретические предпосылки

1.1. История вопроса

В современном языкознании существует несколько подходов к исследованию словообразования. Образование слов, называемых производными и сложными, обеспечивает процесс номинации и его результаты, т.е. выступает как одно из основных средств пополнения словарного состава языка. В этом случае словообразование может рассматриваться как часть ономазиологии, будучи учением о создании новых названий как мотивированных однословных знаков языка. Словообразование можно представить как с динамической, так и со статической точки зрения. В первом случае словообразовательный анализ демонстрирует процесс создания слова, во втором случае — морфемную структуру вновь созданного слова и его грамматические характеристики. Такой подход к описанию словообразования иногда называют деривационной морфологией. Е.С. Кубрякова считает, что «теория словообразования может предсказывать появление новых слов и условия такого появления, а также выявлять правила, по которым говорящий создает новые производные и сложные слова в синхронии, на данном этапе развития языка» (Кубрякова 1990: 467).

Словообразовательные описания могут быть направлены в сферу семантики деривации (см. работы Е.С. Кубряковой, а также материалы конференций «Словообразование и номинативная деривация», регулярно проводимых в г. Гродно), описывать семантическую обусловленность значения производного и сложного слов, т.е. принципы мотивации, а также правила использования формальных средств: словообразовательные типы и модели, их регулярность/нерегулярность, продуктивность/непродуктивность, особенности сочетаемости морфем и морфонологические преобразования, характерные для производных слов (см. работы В.В. Лопатина, А.Н. Тихонова, А.А. Лукашанца и др.).

Принципы морфонологического описания словообразовательных процессов восходят к идеям Н.С. Трубецкого, который определил его основные задачи следующим образом: “Полная морфонологическая теория складывается из следующих трех разделов: 1) теории фонологической структуры морфем; 2) теории комбинаторных звуковых изменений, которым подлежат отдельные морфемы в морфемных объединениях; 3) теории звуковых чередований, которые выполняют морфонологическую функцию” (Трубецкой 1967: 116-117). Таким образом, теория морфонологии должна была, по Трубецкому, включать описание как фонологических, так и морфемных характеристик на уровне синтагматики (комбинации морфем) и парадигматики (изменение морфем, связанное с изменением грамматических значений). В своей работе «Морфонологическая система русского языка» Трубецкой последовательно применял собственные принципы описания, различая «два вида формообразования: *словоизменение, или парадигматическое формообразование, и основообразование, или деривационное формообразование* (курсив автора — Е.П.)» (Трубецкой 1987: 67). При этом, исходя из своей фонологической концепции, Трубецкой рассматривает такие особенности морфонологических чередований, которые характерны не только для обоих видов «словоизменения» (т.е. как для словоизменения, так и для словообразования), но и для субстантивного и глагольного словоизменения одновременно, а также встречаются в различных типах аффиксов (например, перемещение ударения, чередование <o // e>, чередования гласных с нулем, а также чередования заднеязычных с шипящими). Трубецкой не разделял чередований на живые (фонетические) и исторические. Так, он отмечал, что “в именном основообразовании очень широко распространены и вполне живы чередования заднеязычных” (ор. cit.: 120). Четкое различие между словообразованием и словоизменением Трубецкой отмечал лишь в тех редких как в словоизменении, так и в словообразовании случаях, когда чередование является единственным средством передачи формального противопоставления. Зато он утверждал, что морфонологические признаки глагольных основ в русском языке весьма значительно отличаются от признаков именных основ, так что “глагольное и именное формообразование представляют собой две строго разграниченные области морфонологии русского языка” (там же, 137). В целом он заключал: “Чередования представлены особенно сильно в непродуктивных типах формообразования. Если же рассматривать живые, продуктивные типы словоизменения и основообразования, то можно утверждать, что роль чередований в них сведена к минимуму” (там же, 139).

В работах московской фонологической школы нашли дальнейшее развитие идеи структурного описания языка, причем одной из целей анализа стало как можно более четкое распределение языковых фактов в соответствии с уровнями языковой системы. Так А.А. Реформатский относил различные типы чередований к различным уровням языка. К уровню морфонологическому, с его точки зрения, принадлежат чередования типа <к // ч> в формах типа *пеку – печешь*, т.е. чередования при словоизменении, которые “оторвавшись от непосредственной причинности и не достигши прямой грамматической целенаправленности, существуют в силу традиции и опираются на узус” (Реформатский 1955: 109),

к уровню морфологическому — чередования < к // ч > в лексемах типа *дик(ий) – дичь*, т.е. чередования словообразовательного характера. Чередования морфонологические, таким образом, расположены у Реформатского на пограничной полосе, “между фонетикой и морфологией, когда позиции устранены, а факты еще не обладают значимостью” (ор. cit.: 112), отведенной им морфонологии.

В последние годы в работах по славянской сопоставительной грамматике все чаще говорится о том, что морфонология словообразования и морфонология словоизменения представляют собой лишь «относительно автономные системы» (Толстая 1998: 245). С одной стороны, объективно существуют факты различия единиц описания и их морфонологических характеристик при словообразовании и словоизменении, с другой же — в языке так же объективно присутствует общность типологии чередований на обоих уровнях, исходно обусловленная неизбежной общностью языкового материала, поскольку в обоих случаях мы имеем дело как с фонемами, так и с морфемами.

Одним из основных и наиболее существенных фактов, определяющих различие между морфонологией словообразования и морфонологией словоизменения считается грамматическая регулярность чередований при словоизменении при лексической нерегулярности чередований деривационных: «Словообразование располагает более разнообразными средствами морфемного варьирования, чем словоизменение, но в то же время словообразовательные морфонологические модели отличаются меньшей регулярностью и меньшей лексической мощностью» (Толстая 1998: 245).

Славянские языки в незначительной степени различаются с точки зрения фонемного состава морфем, как аффиксальных, так и корневых. Репертуар словообразовательных типов и моделей словообразования в отдельных славянских языках также различается незначительно. Однако, типы чередований при словообразовании и словоизменении в отдельных славянских языках значительно варьируют, дистрибуция отдельных типов чередований в словообразовании не всегда совпадает с распространенностью тех же самых типов в словоизменении, различается объем чередований в глагольном и именном словообразовании/ словоизменении. Например, чередование типа < k // c >, например, в одних языках характеризует именную флексию, в других — глагольную, в третьих — выступает в обеих парадигмах, в словообразовании же встречается редко (Dalewska-Grec 1997; Иванов 1990), в восточнославянских языках не представлены вокальные чередования и более редки, чем в западнославянских языках чередования гласных с нулем звука. Поэтому типологические описания словообразовательных чередований в славянских языках, с нашей точки зрения, должны учитывать эту их особенность. Ведь предпочтение того или иного аффикса в конкретном языке при наличии исторической возможности выбора может быть связано (и в определенной степени связано) с особенностями морфонологической структуры производного слова по отношению к производящему. Историческое развитие суффиксального словообразования подтверждает ряд общих тенденций в развитии славянских языков. К таким тенденциям можно отнести тенденцию к устранению многозначности дериватов и сокращению словообразовательных дублетов, тенденцию к устранению взаимоприспосабливаемости морфем в пользу

формантов, свободно сочетающихся с производящими основами и др. (см. Бартошевич 1972: 206).

1.2. Научная гипотеза автора

Одним из способов типологического анализа морфологии славянского словообразования может быть сопоставление современного состояния словообразовательных моделей в рамках словообразовательных типов на фоне общеславянских (праславянских) моделей и типов, т.е. анализ диахронический. Мы предполагаем, что набор чередований в системе словообразования в отдельных славянских языках развивался под влиянием тенденции к устранению чередований (Пацехіна 1999), которая могла проявляться следующим образом: 1) в выборе среди существующих в языке дериватов с такой основой, которая была бы наиболее близка к мотивирующей по своему фонемному составу; 2) в предпочтении в качестве продуктивных таких словообразовательных моделей, которые не предполагают чередования в основе; 3) в преобразовании морфемной структуры аффиксов в сторону ее упрощения; 4) в адаптации морфемных средств заимствованных языковых единиц с целью сохранения основного варианта производящей основы.

2. Морфонология словообразования и тенденция к ликвидации альтернатив

Ниже рассмотрим несколько частных примеров для иллюстрации предлагаемой научной гипотезы.

2.1. Выбор среди существующих в языке дериватов с такой основой, которая была бы наиболее близка к мотивирующей по своему фонемному составу

Говоря о выборе одного из существующих в языке дериватов в качестве основного, следует конкретно определить, о каком деривате идет речь. Безусловно, в национальном языке, с его бесконечным разнообразием территориальных, социальных диалектов, существуют многочисленные варианты лексем, форм и словообразовательных вариантов. Тенденция к устранению многозначности дериватов и сокращению словообразовательных дублетов, таким образом, может проявляться в процессе формирования норм литературного языка как общепризнанного образца кодификации.

В древнерусском языке отмечается сосуществование многочисленных словообразовательных дублетов производных слов. Набор морфемных средств, образующих лексему с тем же самым мотивированным значением, представляется намного более богатым, чем в современном русском языке.

Одним из способов «усовершенствования» словообразовательного типа при одновременном устранении чередования является способ семантический.

Словообразовательный формант, участвуя в создании нового словообразовательного типа, создает и новое деривационное значение. Например, в «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского (Срезневский 1959) в качестве синонимических указываются такие пары дериватов, как *вѣрхъ* – *вѣршиикъ*, *спѣхъ* – *спѣшиикъ*, *доухъ* – *доушиикъ*, *орѣхъ* – *орѣшиикъ*, *плаха* – *плашиикъ*, *стрѣха* – *острѣшиикъ*, *хѣльмъ* – *хѣльмиикъ*. В славянских языках рефлексy суффиксального форманта **-ije-* используются для производства собирательных существительных среднего рода, ср. стслав. *вѣлиикъ*, *дѣвѣиикъ*, *камениикъ*, русск. *быльё*, *дубьё*, диал. *кожьё* ‘кожи’, *кусьё* ‘куски’, но: *каменя* (устар. И. мн.ч. от *камень*), бел. *быллё*, *дуб’ё*, *каменне*, а также для образования форм множественного числа дррусск. *гостикъ*, *людикъ*. Словообразовательная модель с формантом **-ije-* послужила в старославянском языке образцом для создания лексико-грамматического разряда абстрактных существительных с формантом **(e)ньје* (Хабургаев 1986: 122). Постепенно в древнерусском языке сформировался лексический класс абстрактных существительных и деривационный класс существительных отглагольных, а также суффикс **-ьј-* укрепился в качестве формообразующего суффикса при некоторых существительных мужского рода: русск. *братья*, *князья*, *мужья*, *зятья* и др. (в белорусском языке не используется данный способ образования форм мн. ч.). Поэтому лексемы *вѣрхъ*, *спѣхъ*, *доухъ*, *орѣхъ*, *плаха*, *стрѣха*, *хѣльмъ* как более краткие оказались предпочтительнее и были оценены как нейтральные, тогда как старославянские по происхождению *вѣршиикъ*, *спѣшиикъ*, *доушиикъ*, *орѣшиикъ*, *плашиикъ*, *острѣшиикъ*, *хѣльмиикъ* стали принадлежностью церковнославянского языка.

2.2. Предпочтение в качестве продуктивных таких словообразовательных моделей, которые не предполагают чередования в основе

Одним из способов устранения чередования гласного с нулем звука в суффиксальном исходе основы для восточнославянских языков является выбор суффикса *-ик* вместо *-ец* (**-ьць*) в деминутивном значении, ср. дррусск. *хѣльмиць* – *хольмиикъ*, русск. *братец*, *морозец* – бел. *брацік*, *марозік*, укр. *братик*, *морозик*. В современном русском языке деминутивы с суффиксом *-ец* носят оттенок книжности и оцениваются как устаревшие: ср. *секретец*, *расчётец*, *сюжетец*, *анекдотец* и *секретик*, *расчётик*, *сюжетик*, *анекдотик*. Отдельные лексемы употребляются в терминологическом значении: *зубец*, *резец*, *погребец* (устар. ‘вид дорожного ящика’).

Одним из распространенных в славянских языках суффиксов со значением лиц является суффикс *-тель*, который по мнению А. Мейе восходит к общеславянской эпохе (Мейе 1951: 281). Суффикс этот с точки зрения морфонологии удобен тем, что не присоединяется к глагольной производящей основе непосредственно. Производящая основа глагола при образовании существительного сохраняет тематический гласный: *облад-а-ть* – *облад-а-тель*, *муч-и-ть* – *муч-и-тель* (искл. создатель – от нетематического глагола *дати*). В тех же случаях, когда существование связующего гласного невозможно объяснить при помощи сохранения тематического гласного основы, говорят о необходимости выделять суффикс *-итель*: *спас-ти*, *спас-а-ти* – *спас-и-тель*, *повел-ѣ-ти* – *повелитель*.

В памятниках старорусского языка за редким исключением не наблюдается образования наименований лиц на *-тель* от основ однокоренных глаголов, различающихся видом. Отдельные примеры показывают возможность появления вариантов с учетом морфонологических чередований в основе: *искуситель – искушатель, досадитель – досажатель, обидитель – обижатель, съблюстителъ – съблюдателъ*. Будучи поначалу принадлежностью церковных текстов, существительные на *-тель* постепенно стали употребляться в текстах других жанров, в юридических, официальных и бытовых (*строитель, властель, волостель, обладатель, владетель, предатель*, ср. *свѣѣдок – свѣѣдетель, побѣѣдник – побѣѣдителъ*). Отмечается расширение к XVII в. жанровых границ употребления имен на *-тель* и появление их в частных письмах, светских повестях и т.п. (Суффиксальное словообразование существительных 1974).

Характер начального гласного суффикса, несомненно, играл определяющую роль в выборе в русском языке словообразовательной модели отадективных существительных с суффиксами *-от-/-ет-* и *-ост’-/-ест’-*. Суффикс *-ет-* закрепился только в четырех существительных старославянского происхождения: *клевета, суета, нищета, тщета*, а в словообразовательной модели используется суффикс *-от-*: совр. русск. *немота, глухота, доброта, прямота* и др. Еще более показательна история алломорфов *-ост’-/-ест’-*. В обратном словаре русского языка (Зализняк 2003) около 16 страниц (из расчета около 180 лексем на странице) занимают субстантивные дериваты с суффиксом *-ост’-*: *робость, резвость, кротость, жалость* и т.д., тогда как дериватов в суффиксом *-ест’-* всего лишь 35, причем из них 22 — это дериваты отглагольных прилагательных с суффиксом: *плавучесть, невучесть, тягучесть, летучесть* и др.

2.3. Преобразование морфемной структуры аффиксов в сторону ее упрощения

Речь идет о таком упрощении в составе суффиксов, при котором суффиксальные форманты (чаще два), представляющие следующие одна за другой ступени деривации, используются вместе для производства новых слов, причем восстановление промежуточной ступени становится невозможным или результат такого восстановления исторически недостоверен.

В славянских языках широко распространен суффикс *-к-*, восходящий к и.-е. **-k-*, который в сочетании с основообразующими гласными представлен в разнообразных морфемных вариантах. По мнению С.Б. Бернштейна, «именно участие основообразующих элементов в формировании суффиксов определило в значительной степени прочность морфемного шва, связывающего корневую часть слова с суффиксом» (Бернштейн 1974: 135).

Остановимся на некоторых суффиксах славянских деминутивов.

В русском языке суффикс *-ек-*, безударный алломорф суффикса *-ок-*, в деминутивном значении редко употребляется как в качестве одиночного, только в общеславянских лексемах: *порожек, орешек, овражек, отрожек, острожек, горошек*. Данный суффикс встречаем в составе суффиксов, рассматриваемых как сложные в некоторых случаях только с точки зрения этимологии, в других – и с

синхронной точки зрения: *кусточек, листочек, ребёночек, камешек* (и *камушек*), *воробышек, хлебушек, глоточек, молоточек, дождичек, ящичек*. Подобные суффиксы характерны для всех славянских языков.

Одной из проблем сопоставительного языкознания является соотношение чередований гласного с нулем звука в разных славянских языках. Закономерности этих чередований отличаются в разных группах языков. Отличия касаются как наличия самого чередования, так и условий его существования в грамматической системе языка. Сохранение/ликвидация чередования в отдельных морфемах (в корневой, в одиночной суффиксальной, в агломерации суффиксов) объединяет, на наш взгляд, морфонологию словообразования и морфонологию словоизменения. Для всех славянских языков одним из способов устранения чередования согласных в основе является слияние суффиксов. В свою очередь, чередования гласного с нулем звука в одиночных и сложных суффиксах имеют свои морфонологические особенности. Интересный материал для исследователя представляют соответствия дериватов мужского и женского рода от одной и той же производящей основы. Например, обнаруживается разница в оформлении родовой принадлежности некоторых общеславянских лексем: в польском языке имеем лексему *ptaszek* м.р. с нулевым чередованием в основе в косвенных падежах (И. ед. *ptaszek*, Р. – *ptaszka*, И. мн. *ptaszki*), в русском языке *пташка* – существительное ж.р. (суффиксальное [e] восстанавливается в Р. мн.: *пташек*). Оба примера представляют прообраз определенных словообразовательных моделей, характерных для восточнославянских и западнославянских языков, в которых используются два ассоциированных суффикса при исходной абсорбции финали мотивирующей основы в процессе создания нового суффикса: польск. *pi-asz-ek* (*pta-k/pta-ch* + *-ek-*). Начиная с XV в. в польском языке создаются словообразовательные модели существительных мужского рода с суффиксами *-aszek-* (а также *-uszek-*, *-aczek-*, *-eczek-*, *-iczek-* и др.) (Mazur 1993): *wujaszek, złodziejaszek, staruszek*, при использовании форманта *-uszk(o)*, *-uszk(a)* в образовании деминутивов среднего и женского рода: *jabluszko, kaczuszka*. В русском такого соответствия моделей нет, существует продуктивная модель для образования существительных женского и мужского рода с формантом *-ашк(a)* (*-ушк(a)*, *-ишк(a)*, *-ёшк(a)*) (для среднего рода *-ашк(o)* *-ушк(o)*, *-ишк(o)*, *-ёшк(o)*): *рубашка, мальчугашка, судьбишка, сынишка, травушка, соловушка* и т.д.

В связи с вышесказанным следует обратить внимание на дистрибуцию алломорфов общеславянского суффикса **-k-* – **-ĭk-/-ĕk-/-ǫk-* в различных славянских языках. Несомненно, существует связь между выбором рефлекса с переднеязычным или непреднеязычным гласным в составе суффикса с особенностями фонологической системы конкретного языка: особенностями выражения категории противопоставления согласных по твердости/мягкости, а также характера акцента в конкретном языке. В польском, а тем более в чешском языке, где категория твердости/мягкости согласных развита в меньшей степени, чем в русском, чередование твердых фонем с мягкими перед [e], который может быть рефлексом как **-ĕ-*, так и **-ǫ-* представляет собой явление факультативное при регулярном использовании эпентетического *-e-*, происходящего из редуцированного: ср. польск. *izba – izdebka, poszwa – poszewka, Litwa – litewski, ławka – ławeczka* и *Moskwa – moskiewski, iskra – iskiierka*.

Более широкое употребление дериватов с суффиксом *-ek-* в польском и чешском языке по сравнению с русским и другими восточнославянскими языками связано, вероятно, с тем, что в западнославянских языках нет чередования твердых/мягких согласных перед суффиксальным *-e-* (исключения составляют, правда, чередования заднеязычных с шипящими). В восточнославянских же языках, где перед гласными переднего ряда чередования по твердости/мягкости носят регулярный характер, для устранения данного чередования используется суффикс с гласным непереднего ряда *-o-*. В процессе развития словообразовательной системы современного русского языка (и других восточнославянских языков параллельно), а также системы словоизменения в связи со становлением категории твердости/мягкости согласных сформировались более типичные для восточнославянских языков чередования согласных в исходе основы по твердости/мягкости при устранении чередования гласных с нулем звука и сохранении количественных характеристик основы. Ср.: чешск. *předeek, dárek, synek, domek, stolek, zoubek*, польск. *przodek, podarek, synek, domek, stolek, ząbek*, русск. *предок, подарок, сынок, домок* (устар.) // *домик, столик, зубок* (устар.) // *зубик*, бел. *продак, падарунак, сынок, домік, столік, зубік*.

2.4. Изменение морфонологических характеристик в процессе заимствования

В связи с заимствованием языковых единиц, главным образом, лексических, а если быть более точными, в связи с их освоением и употреблением в языке, обратим внимание на способ заимствования и адаптации в славянских языках имен собственных.

В процессе заимствования имеет место не только транслитерация лексемы (вместе с трансфонацией), т.е. графическая и фонетическая адаптация заимствованной языковой единицы, но и анализ ее грамматической и семантической структуры. Результатом семантико-грамматического анализа языковой единицы, переносимой из одного языка в другой, зачастую является изменение ее грамматических характеристик с целью адаптации к законам словоупотребления в языке-акцепторе.

Изменение грамматических характеристик может быть связано с изменением парадигмы склонения (субстантивной — в связи со сменой категориального признака рода) или утратой склонения в целом. С этой точки зрения особый интерес представляют имена собственные. Например, при перенесении из польского языка в русский меняется парадигма субстантивного склонения: польск. *Toruń, Poznań* – *Torunia, Poznania* (м.р.), русск. *Торуни, Познани* (ж.р.); адъективный тип склонения заменяется субстантивным: русск. *Толстой* – *Толстого*, польск. *Tolstoj* – *Tolstoja*, или нулевым: русск. *Терентьев* – *Терентьева, Терентьевой*, польск. *Terentiew* – нескл. для лиц женского пола. При перенесении в русский язык утрачивается склонение онимов с флексией *-o*: *Брно, Ровно, Гродно*, с флексией *-и*, которая оценивается как иностранная: *Ежи (Ставиньски) – Ежи (Ставиньского)*. Утрачивается парадигма склонения одной или обеих частей в топонимах, представляющих собой адъективно-именное словосочетание. В одном случае не изменяется первая часть названия: *Банска-Бистрица* – в *Банска-Би-*

стрице, Белосток – в Белостоке, Бяла-Подляска – в Бяла-Подляске, Градец-Крало́ве – в Градец-Крало́ве (ср. польск. *Hradca Králové* в форме Р.ед.). Другим способом избежать словоизменения может быть использование сочетаний с примыканием (аналитических): в городе *Новы Тарг, Зелена-Гура, Белосток* и т.д., причем не изменяются обе части топонима.

Несмотря на то, что в русском языке существует регулярное чередование гласного *-е-* с нулем звука в деминутивном суффиксе *-ек-* (например, И. ед. *замочек – Р.ед. замочка*), заимствованные из польского или чешского языка антропонимы сохраняют основу неизменной: *Яначек – Яначека, Гашек – Гашека, Бонек – Бонека* (к тому же, с твердым [н] в русском языке), *Лешек (Миллер) – Лешека (Миллера), (Ежи) Бузек – (Ежи) Бузека, Болек и Лёлек – Болека и Лёлека* и т.д.

Отсутствие чередования в таких случаях имеет несколько причин. Оно может быть связано с происходящей в процессе адаптации десемантизацией (деэтимологизацией) элементов морфемной структуры слова. В русском языке нет оснований для морфемного членения подобного рода имен собственных, поскольку значимые субстантивные корни (*-гаш-, -бон-, -леш-, -буз-* и др.) не встречаются в подобном окружении. Чередования гласного с нулем звука в корнях слов представляют явление крайне редкое, свойственное только формам Р. мн. существительных женского склонения на *-а*, имеющих в исходе корневой морфемы стечение согласных (*сестра – сестёр, башня – башен*). Таким образом, структура основы в заимствованных антропонимах не оценивается как суффиксальное образование “корень + суффикс”. Если же в заимствованных антропонимах выделяется суффикс (*Бол-ек* и *Лёл-ек*), чередование устраняется в связи с особенностями русской морфонологии. В русском языке суффиксы только *-ик-, -ок-/ёк-* присоединяются непосредственно к корню. При этом при образовании деминутивов они выступают как акцентированный и неакцентированный варианты морфемы с одним и тем же значением. Ср. русск. *ноготок, щиток, деготок, роток, денёк, пенёк, ручеёк, кофеёк, ренеёк, гусёк*, и *козлик, кристаллик, стволник, соколик, крестик, нолик, годик, прудик* и т.д. Уменьшительные гипокористические имена собственные в русском языке образуются при помощи простых суффиксов *-ик-, -ёк-*: *Виктор – Витя – Витёк, Александр – Саша – Сашок, Леонид – Лёня – Лёник, Марк – Марик*, но не *-ек-*. Отсюда возможные ошибки в написании: *Болик* и *Лёлик* (название кондитерского магазина).

3. Выводы

В данной статье мы попытались на отдельных примерах показать, что морфонология словоизменения и морфонология словообразования в славянских языках могут быть описаны в исследовании как взаимодействующие и взаимосвязанные системы. Сопоставительное изучение морфонологии славянского словообразования, как и словоизменения, должно опираться на диахронию, поскольку для выявления и описания морфонологических правил, сопровождающих процессы словообразования (как и словоизменения), недостаточно анализа синхронного состояния языков.

Библиография

- Dalewska-Grec 1997: Dalewska-Grec H., *Języki słowiańskie*, Warszawa 1997.
- Mazur 1993: Mazur J., *Geschichte der polnischen Sprache*, Frankfurt a. Main 1993.
- Бартошевич 1972: Bartoszewicz A., *История суффиксальной отсубстантивной деривации существительных в русском литературном языке (Nomina concreta от nomina concreta)*, Poznań 1972.
- Бернштейн 1974: Бернштейн С.Б., *Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы*, Москва 1974.
- Зализняк 2003: Зализняк А.А., *Грамматический словарь русского языка. Словоизменение*. Изд. 4-е, Москва 2003.
- Иванов 1990: Иванов В.В. *Историческая грамматика русского языка*. Москва, 1990.
- Кубрякова 1990: Кубрякова Е.С. *Словообразование*. [w] Лингвистический энциклопедический словарь, Москва 1990.
- Мейе 1951: Мейе А., *Общеславянский язык*, Москва 1951.
- Пацехіна 1999: Пацехіна А.А., *Аб ліквідацыі чаргаванняў у беларускім субстантыўным скланенні*. [w:] Слово в диахронии и синхронии. Сборник научных статей к 80-летию профессора М.Г. Булахова, Мінск 1999. С. 117-129.
- Реформатский 1955: Реформатский А.А., *О соотношении фонетики и грамматики (морфологии)*, [w:] Вопросы грамматического строя, Москва 1955. С. 95-121.
- Срезневский 1959: Срезневский И.И. *Материалы для словаря древнерусского языка*. В 3-х тт., Москва 1959.
- Суффиксальное словообразование существительных 1974: *Суффиксальное словообразование существительных в восточнославянских языках XV–XVIII вв.* Ред. В.И. Борковский, Москва 1974.
- Толстая 1998: Толстая С.М., *Морфонология в структуре славянских языков*, Москва 1998.
- Трубецкой 1967: Трубецкой Н.С., *Некоторые соображения относительно морфонологии*. [w:] Пражский лингвистический кружок. С. 115-118.
- Трубецкой 1987: Трубецкой Н.С., *Морфонологическая система русского языка*. [w:] Избранные труды по филологии, Москва 1987. С. 67-142.
- Хабургаев 1986: Хабургаев Г.А., *Старославянский язык*, Москва 1986.